

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е.М. Крупеня. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ. М.: Университетская книга, 2009. 312 с.

Проблема политико-правовой активности личности, как представляется, сегодня одна из самых актуальных в теории права и юриспруденции. Это связано с тем, что эпоха пост-индустриального, глобализирующегося, постмодерного мира проблематизирует парадокс отчуждения человека в “век свободы”. Начиная с эпохи Нового времени (особенно это характерно для мировоззрения Просвещения) происходит, казалось бы, активное распространение степеней свободы как в отдельных сферах общества, так и в мире в целом. Выражается это в развитии рыночных отношений, демократизации, социальной мобильности, образовании и т.д. Однако в XX в. обнаружилась амбивалентность свободы и производных от нее ценностей просвещения, прогресса и др. (о чем писали Т. Адорно, К. Хоркхаймер, Э. Фромм, а также представители “Римского клуба”). К тому же не менее важным является противоречие между усложнением политико-правовой жизни, в том числе необходимостью принятия решений в ситуации принципиальной неопределенности, и ростом демократизации политики. Может ли некомпетентное большинство, которое по определению не является рациональным узким специалистом, принимать сложные, требующие специальных знаний решения? Такой вопрос задавали сторонники элитизма (Г. Моска, В. Парето, М. Вебер и др.). Конец XX в., ознаменовавшийся приходом мировоззрения постструктурализма и постмодернизма, провозгласил крушение метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар), легитимировавших в том числе политико-правовую практику и одновременно “смерть субъекта” (Р. Барт, М. Фуко). Человек не меньше, чем ранее (любое сравнение в этой сфере всегда субъективно), подчинен, поглощен структурами, которые сегодня действуют гораздо более изощренно, хотя и незаметно, манипулируя общественным сознанием, формируя потребности, превращая человека в “одномерное” существо (Г. Маркузе), придавок социальных институтов. Отсюда чрезвычайная важность поисков человеческой самости, которая занимает антропологов, экзистенциалистов, тех же постструктуралистов и постмодернистов.

Очевидно, что юриспруденция не может оставаться в стороне от актуальных социальных процессов. В связи с этим представляется чрезвычайно важной разработка персоноцентристской теории права, которая занимает умы некоторой части отечественной научной общности. Для нашей юриспруденции это тем более актуально в связи с преодолением последствий тоталитарного политического режима. Персоноцентристскую парадигму в юриспруденции разрабатывают прежде всего сторонники либертарного типа правопонимания¹. Свой вклад в это позитивное дело вносят и другие исследователи², в том числе и Е.М. Крупеня.

Во введении, обосновываются актуальность исследования и методологические предпочтения автора, справедливо утверждается, что сегодня и на уровне общества, и, что особенно важно для судьбы России в контексте ее уникальной истории, на уровне государственной власти сформировалось осознание того, что становление правового, демократического и социального государства, институтов гражданского общества, их эффективное функционирование самым непосредственным образом связаны с активностью граждан. При этом заявляется, что одним из наиболее эвристически ценных направлений рациональной разработки политико-правовой активности личности, ее исследовательской программой является находящаяся в процессе своего становления антрополого-правовая, персоноцентристская парадигма, значимость которой уже осознана, вербализована, а из научного дискурса перешла в работы ряда отечественных исследователей.

Во введении также формулируется “авторская версия понимания феномена политико-правовой активности личности” как “результат научного познания сложного социального и политико-правового явления, который одновременно лишь момент публично-правовой жизни коллективного целого. Точнее, того аспекта политико-правовой реальности, который, во-первых, непосредственно связан с присутствием человека в политическом пространстве общества; во-вторых, презентует индивидуального субъекта властных отношений как активного игрока на поле публичной политики, переводя его правовое бытие из статичного состояния, объективированного в юридических нормах, в динамичное, что позволяет обеспечить необходимой энергией и обуславливает функционирование политической системы общества в соответствии с ценностями политико-правовой культуры; в-третьих, деятельное участие граждан в политическом процессе освещается с позиции его конструктивно-творческого характера, позволяющего прогнозировать проникновение в политическую систему общества ценностей того типа культуры, который принято именовать правовым, гражданским. Представляется, что научно-теоретический анализ политико-правовой активности гражданина выступает методологическим основанием для уточнения смыслового пространства иных общетеоретических понятий и категорий” (с. 11–12).

В первой главе “Политико-правовая активность личности: методологические основания определения понятия” излагается развернутая программа научного познания объекта исследования. Прежде всего автор полагает возможным описать политико-правовую активность личности во взаимосвя-

¹ См.: Ланаева В.В. Персоноцентристский подход к правопониманию как актуальная задача российской юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2008; Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. 2007; Варламова Н.В. Учение о правах человека в контексте различных типов правопонимания // Проблемы понимания права. Сборник научных статей. Вып. 3. Саратов, 2007.

² Среди них следует назвать сторонников антропологии права, естественного права, феноменологии права, герменевтики права, правового экзистенциализма, разработчиков экономического анализа

права, сторонников либерального правопонимания. Из наиболее интересных отечественных работ последнего времени, посвященных субъекту права с точки зрения персоноцентризма, хотелось бы выделить следующие: Архипов А.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб., 2004; Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб., 2003; Ковлер А.И. Антропология права. Учебник для вузов. М., 2002; Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007; Его же. Нравственные основания права. М., 2008; Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека (Доклад) // Права человека: вопросы истории и теории. Материалы межвузовской научно-теоретической конференции 24 апреля 2004 г. СПб., 2004.

зи с обществом, так как человек обладает лишь относительной самостоятельностью и независимостью по отношению к социальному целому и его частному моменту – государству. При этом “наиболее адекватной исследовательской программой описания политико-правовой активности личности из большого числа широко известных отечественным исследователям направлений, эвристический потенциал которого используется в предлагаемой работе, следует назвать диалектико-социологический подход” (с. 15).

Логическим следствием сделанного автором выбора становится следующий тезис. Политико-правовая реальность предстает как продукт социума, возникающий непреднамеренно, спонтанно, естественным путем, в результате коллективных усилий множества людей. Она (реальность) вырастает из жизнедеятельности индивидов – субъектов отношений управленческого, властно-политического характера, возникающих в процессе обеспечения целостного социального организма, необходимой для существования интеграции (с. 16).

Характеризуя политико-правовую сферу (реальность) общества, Е.М. Крупеня отмечает, что она имеет не только объективное, но и безусловное субъективное измерение, наполненное представлениями и размышлениями людей о ней, оценками, предвзвешиваниями, действиями и др. (с. 17).

Сложная и противоречивая политико-правовая жизнь социума как важный компонент жизни общества, по мнению автора, представляет собой реальность, постижимую лишь аналитически, но постоянно воссоздаваемую в масштабах всего общества индивидуальным субъектом (субъектами). И в качестве такого субъекта выступает, разумеется, человек (гражданин), самостоятельно проживающий, переживающий жизнь, придающий ей индивидуальное значение.

Концентрируя исследовательское внимание на личности гражданина, проявлении его активности в сфере публичных общественных отношений, Е.М. Крупеня поднимает философскую проблему соотношения общества и индивида. Соглашаясь, что общество, его различные подсистемы не могут быть сведены к отдельным индивидам, автор обращает внимание и на другой момент, а именно на то, что без человека ни общество, ни одна его система (политическая), ни государство существовать не могут. Общество, государство – это, разумеется, результат, конечно, не простого, не механического, но все же комбинирования некоторых “элементарных частиц”, результат их взаимодействия, взаимовлияния. Очевидно, что “социальными атомами” и общества, и государства являются отдельные люди, граждане, вместе с тем, объединенные доминирующей организацией политической власти – государством. И вне человеческого присутствия становится крайне проблематичным объяснение того, как возникают и изменяются политико-правовые институты общества, какие ценности они воплощают, а главное – как без участия отдельных индивидов они функционируют, воссоздавая себя во времени и пространстве, поддерживая собственную идентичность в исторической перспективе. В этом, собственно говоря, и выражается диалектический подход, который помогает проследить систему двусторонних прямых и обратных связей между институциональной сферой политико-правовой жизни общества и политико-правовой активностью гражданина. Одновременно он дает основание констатировать, что не только институты политической системы общества, государство, его законодательство оказывают воздействие на политико-правовую деятельность граждан, задавая систему координат их социализации, но и, наоборот, политико-правовая активность личности в своем суммарном выражении оказывает обратное влияние на всю политическую систему общества, ее структуру, на их эффективное функционирование (с. 19–20).

Противопоставляя такому “гуманистическому” правопониманию позитивистское, автор заявляет, что человек – творец права, истинный его источник, создатель всех правовых идей, величайшая правовая ценность – оказался вытесненным на периферию процесса формирования (сотворения), познания и преобразования правовой реальности. Отчуждая исследование правовых проблем от конкретного человека, его сложной природы, форм его разнообразного бытия, позитивисты вслед за императивами правовых норм и в категорической форме “определяли”, настоятельно “рекомендовали” ему (человеку) незавидную миссию исполнителя социальных ролей – ролей, созданных, как правило, без его участия, противоречащих его интересам и потребностям, предписанных правилами, выраженных в правовых нормах (с. 25).

Затем в работе излагаются существующие в современной отечественной литературе подходы к политико-правовой активности личности. Их, по мнению автора, можно свести к двум. Первый – “внутренний” – акцентирует внимание на мотивационной сфере субъективной внутренней реальности человека, активированной его сознанием. Поэтому правовая активность интерпретируется как свойство личности, выражающееся в готовности к правомерной деятельности, детерминированной активным состоянием сознания индивидуального субъекта правоотношений, большей интенсивностью его “работы”, функционирования, что становилось возможным под определяющим влиянием соответствующего правового мотива. В качестве исходного фактора, определяющего направление исследовательского внимания, избран один из моментов субъективной внутренней реальности самого субъекта активности – человека (гражданина), состояние готовности к правомерному действию в политической сфере. Таким образом, на первый план в процессе рационального освоения правовой активности индивидуального субъекта права выдвигаются психологическая проблематика, игнорировать которую в современный период развития научного знания становится все труднее, и ценностное измерение актов активности, продуцируемых личностью.

В своеобразной оппозиции к вышеуказанному подходу находится сложившееся в специальной литературе направление, которое также вполне обоснованно именуется “внешним” подходом. Исследователи, благодаря интеллектуальным усилиям которых оно формировалось, развивали свои представления о правовой активности личности под углом зрения ее формального проявления, соотносимости с моделями поведения, зафиксированными в статьях нормативно-правовых актов. Правовая активность личности интерпретируется при этом как всякая деятельность в правовой сфере (с. 33–34). По мнению автора, эти два основных подхода могут быть интегрированы в “комплексный”, поскольку он раскрывает правовую активность как единство внутренних качеств, свойств, состояний личности и внешних ее проявлений (форм). Особенность, специфическое своеобразие такой исследовательской модели определяется не только направленностью на поиск компромисса, стремлением “примирить” представителей сторон в вышеописанной дискуссии с целью использования выработанного ими положительного опыта, избегав, таким образом, пагубных для процесса познания крайностей. Нацеленная на поиск согласованного решения, такая модель исследования открывает широкие возможности для выработки и приращения нового научного конвенционального знания, универсального по своей природе, и поэтому такая интеграция может только приветствоваться (с. 35).

Предложенный “интегративный” подход позволяет автору сформулировать рабочее определение политико-правовой

активности: это “теоретико-правовой конструкт, который может быть использован для символического обозначения юридического опосредования активности гражданина в публичной, политической сфере гражданского общества и в области функционирования государства” (с. 40).

В первой главе также рассматривается персоноцентристская парадигма как альтернатива системоцентризму в связи с изучением политико-правовой активности личности. При этом персоноцентризм обосновывается как проекция антропологизма, представляющая собой диалог индивидуального и коллективного начал в юриспруденции. В частности, это аргументируется справедливым утверждением, что норма права сама по себе не может обеспечить гармонию общественных отношений, так как действует через людей, в связи с их психической, интеллектуальной активностью (с. 54).

Важным выводом автора представляется также то, что переосмысление роли индивидуального субъекта права обусловлено сменой эпохи – формированием постиндустриального общества, для которого характерно движение от централизма к децентрализации, от иерархии к независимости (с. 63).

В завершение первой главы рассматривается политико-правовая активность личности как объект и предмет теоретико-правового исследования, анализируется понятие “политико-правовая активность личности”, его воспроизводство практикой (с. 66 – 71). Значительный интерес представляет демонстрация автором влияния биологической антропологии на организацию общества и права в деле обеспечения целостности социума (с. 72–74). Затем дается краткая характеристика психического признака политико-правовой активности личности, ее связи с правами человека.

Вторая глава посвящена психическому элементу в механизме политико-правовой активности личности. Истоки политико-правовой активности личности, по мнению Е.М. Крупени, лежат в области психики человека – в субъективной реальности личности, которая обеспечивает перевод (интериоризацию) правовых императивов в область правовой действительности (с. 88). При этом постулируется, что политико-правовая активность личности представляет собой единство внешней (объективной) и внутренней (субъективной) стороны, социального и личностного факторов. Отсюда очевидность важности исследования правосознания, на котором достаточно подробно останавливается автор. Обращает внимание то, что в юридической литературе редко можно встретить подробный анализ философской проблемы сознания, на котором базируется правосознание. Значительный интерес, думается, вызовет рассмотрение автором роли идеологии, в частности, в связи с “отбором информации из внешней реальности” (с. 112–117), значимость эмоций в праве (с. 122–126), проблема свободы воли, правовых потребностей и мотивов (с. 126–132). Но наиболее важным видится анализ влияния коллективного бессознательного на политико-правовую активность личности, чему посвящен § 6 монографии. В нем рассматривается теория К.Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, дается разнообразие точек зрения относительно понятия ментальности, предлагается авторское определение коллективного бессознательного в связи с ментальностью, рассматривается связь коллективного бессознательного и национальной ментальности. Затем Е.М. Крупеня переносит эти общенаучные положения на политико-правовую сферу. Далее автор подробно формулирует особенности российской правовой ментальности через анализ Конституции, законодательства, выборов, практики демократии (с. 146–151). Достаточно реалистичным видится утверждение Е.М. Крупени, что демократия в нашей стране (с точки зрения европейского образца, добавим от себя)

остается “вне сферы индивидуальной правовой культуры граждан” (с. 151). В подтверждение этого вывода приводятся богатый эмпирический материал на основе социологических исследований Левада-Центра.

Третья глава монографии “Активность личности в политико-правовом пространстве: характеристика основных видов” разделяется на два параграфа, посвященных, соответственно, активности личности – “рядового гражданина” в политике и активности “правовой личности” – гражданина, наделенного специальным правовым (и политическим) статусом. При этом приводится анализ основных правовых форм участия личности в политике: референдум, выборы, местное самоуправление, участие в законодательном процессе (с. 162–163). Автор также обращает внимание на проблему гарантий политико-правовой активности личности, в том числе на влияние экономики (с. 171) и идеологии (с. 177). Относительно “политической личности” наибольший интерес представляют рассмотрение отношения населения к элите (с. 197) и проблема коррупции (с. 199).

Четвертая глава монографии посвящена культурно-историческим факторам политико-правовой активности личности. В ней изучается “погруженность субъекта в историческое время”, показывается связь политико-правовой активности личности с ценностями права и правами человека. Действительно, можно согласиться с В.А. Четверниним, который вслед за Р. Дворкиным провозглашает, что право – это права человека³. Поэтому очевидна связь политико-правовой активности личности с правами человека. Осознавая серьезную проблему в вопросе универсальности – контекстуальности прав человека (с. 201–206), Е.М. Крупеня приходит к выводу о “цивилизационной инвариантности прав человека”, которая выражается в наличии в разных культурах адекватных им моделей⁴. При этом глубоко раскрываются особенности прав человека в европейской культуре.

Политико-правовой активности личности в российском цивилизационном контексте посвящен § 10. На основе исторического анализа автором выделяются политико-институциональные доминанты российской цивилизации, определяющие особенности правовой реальности. Особо отмечается влияние церкви и экономики (с. 229–239), определившее социальную обусловленность отношения к личности и свободе. В то же время отмечается и влияние особенностей национального менталитета на политико-правовую активность личности.

Пятая глава посвящена функциям политико-правовой активности личности. В ней раскрываются социально-преобразующая функция, познавательная функция, идентификационная функция, мировоззренческая функция, неконформистская функция, управленческая функция и регулятивная функция. Сам по себе перечень этих функций свидетельствует о хорошей эрудиции автора и глубоком погружении в изучаемый предмет.

Прочтение монографии Е.М. Крупени позволит, как представляется, сделать вывод о фундаментальности исследования актуальнейшей для отечественной теории права проблемы – политико-правовой активности личности. Наиболее важным видится антропологический (или персоноцентрист-

³ “Согласно либертарному правопониманию право и права человека суть одно и то же”. Четвернин В.А. Либертарное правопонимание и правовая культура // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Материалы всероссийского научно-методического семинара 28–30 июня 2004 г. / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004. С. 13; см. также: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

⁴ Такая логика близка точке зрения по данному вопросу Д.И. Луковской и Л.И. Глухаревой.

ский) подход, с позиций которого даются адекватное описание и объяснение изучаемого феномена. Можно сказать, что Е.М. Крупеня вносит важный вклад в развитие этой перспективной научно-исследовательской программы. Вместе с тем позволим заметить те моменты, которые, как представляется, требуют дополнительной разработки и аргументации в рамках складывающейся парадигмы.

Наиболее важной видится проблема диалектики индивидуальной и социальной политико-правовой активности личности, вытекающей из противоречия личности и общества. В работе этот вопрос, как отмечалось выше, поднимается. Однако он требует, пожалуй, более пристального внимания, будучи, по выражению Л.И. Спиридонова, “основным вопросом социологии права”. Проблема состоит в том, что личность суть социализированный индивид, определяемый социальными (в том числе и политико-правовыми) институтами, нормами, ценностями. Однако личность всегда сохраняет свою индивидуальность, специфически интериоризируя внешние социальные воздействия. В то же время именно отдельная личность вносит нечто свое, свой уникальный вклад в формирование знаково-символического универсума, запаса легитимированного знания, если этот вклад признается референтной группой. В любом случае движение потоков информации от социума к личности и наоборот, включая промежуточные звенья в виде малых групп, необходимо подробно и обстоятельно изучать для того, чтобы показать взаимовлияние политико-правовой активности личности и общества⁵.

Весьма плодотворными в разрешении этой проблемы направлениями являются социальный конструктивизм (в “мягкой” его версии), социальная феноменология, дискурс-анализ и теория социальных представлений⁶. Для указанных подходов (а в некоторых вопросах, несмотря на их различие, они заявляют близкие позиции) характерно утверждение существования коллективных социальных образований исключительно как ментальных образов, а не природных данностей, которые воспроизводятся индивидуальными представлениями и действиями конкретных людей.

Отсюда же вытекает антиномия традиции и инновации. Как именно изменяется обыденная, рутинная практика, т.е. традиционная политико-правовая активность личности? Кто вносит те изменения, которые затем легитимируются

широкими народными массами? Что сопутствует этому, а что препятствует? Эти вопросы, очевидно, чрезвычайно актуальны для современной теории права и требуют пристального к себе внимания.

Еще одна проблема касается соотношения объективной и субъективной сторон в правовой реальности, которая обозначена в рецензируемой монографии. Какова связь материальных изменений и последствий, производимых политико-правовой активностью личности с миром значений и индивидуальных смыслов, которые, по мнению современных философов, изучающих проблемы сознания, эти материальные изменения, собственно говоря, и производят? Эта проблема “информационный причинности”⁷ требует также пристального внимания, в том числе и со стороны юристов, например при учете влияния законодательства на экологию, природные ресурсы, да и на социальные отношения тоже, а также при расчете общественной опасности от правонарушений (особенно при формальных составах последних)⁸. Феноменологическая теория интенциональности и конструирования значений тут может быть весьма полезна⁹.

В завершение хотелось бы отметить, что работа Е.М. Крупеня наглядно свидетельствует о необходимости широкого использования знаний философского, социологического, психологического плана для решения юридических проблем, так как, только выйдя за рамки существующих границ юридической науки, можно сформировать действительно новое юридическое знание¹⁰.

**И.Л. Честнов, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) академии Генеральной прокуратуры РФ,
доктор юрид. наук**

⁷ См. подробнее: Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. М., 2009. С. 37–1.

⁸ Крупнейший отечественный криминолог Я.И. Гилинский достаточно аргументированно заявляет, что нет преступлений “по природе”, все они суть социальные конструкты, изменчивые в зависимости от исторического, идеологического и социокультурного контекстов (см.: *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009. С. 37). Эта же идея развивается в конститутивной криминологии, достаточно влиятельной сегодня на Западе (см.: *Henry S., Milovanovic D.* Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Pub., 1996).

⁹ В этой связи можно вспомнить знаменитый афоризм У. Томаса: “Ситуация является реальной по своим последствиям, если она воспринимается как реальная (см.: *Thomas W.* Das Kind in Amerika // *Person und Socialverhalten* / E. Volkart (Hg.). Neuwied, 1965. S. 114).

¹⁰ “Новые результаты порождаются благодаря трансляции концептуальных средств и методов из одной дисциплины в другую. Целый ряд перспективных направлений в науке возник как раз за счет такого рода междисциплинарной трансляции (биохимия, биофизика, кибернетика, синергетика)”, – пишет В.С. Степин. (см.: *Степин В.С.* Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М., 2009. С. 56).

⁵ Само по себе понятие “политико-правовая активность общества” является чрезвычайно дискуссионным. Существует ли таковая как отдельная данность или следует вести речь о политико-правовой активности множества личностей? Ответ на этот вопрос требует, в свою очередь, определиться в знаменитом споре реалистов и номиналистов или выработать какой-либо компромиссный вариант.

⁶ О продуктивности использования методик, предложенных в социальной психологии В. Вагнером, В. Дуазом, И. Марковой на основе методологии социальных представлений для изучения ценностных ориентаций (констант культуры) – основы для различия в общекультурном восприятии прав человека, см.: *Wagner W.* Introduction to special issue // *Journal for the theory of social behavior*. 1996. V. 26. № 2; *Markova I.* et al. Social representations of the individual: a post-communist perspective // *European journal of social psychology*. 1998. V. 28. № 5; *Doise W., Spini D., Clemence A.* Human rights studies as social representations in a cross-national context // *European journal of social psychology*. 1999. V. 29. № 1.